

О.В. Скобелкин

ДЕЛО ОБ УСМАНСКИХ ОТРАВИТЕЛЬНИЦАХ XVII ВЕКА*

*«Иной раз в наших местах задаются такие характеры,
что, как бы много лет ни прошло со встречи с ними,
о некоторых из них никогда не вспомнишь
без душевного трепета».*

(Н.С. Лесков. Леди Макбет Мценского уезда.)

От XVII в. до нас дошло немало документов о расследовании уголовных преступлений в Воронежском уезде. К сожалению, во многих случаях эти “дела” не полны: если процедура следствия отражена более или менее подробно, то окончательное решение – приговор по делу – сохранился далеко не всегда. Это связано, с одной стороны, с особенностями делопроизводства той эпохи, а с другой – с сохранностью документов. В идеале, максимально полную информацию можно получить, если документы о том или ином уголовном деле сохранились одновременно и в архиве воронежской приказной избы (своего рода, канцелярия воеводы), и в архиве Разряда (Разрядного приказа), которому по большинству вопросов был подведомственен Воронежский уезд в XVII в. Однако от документации приказной избы первой трети этого столетия сохранились буквально считанные листы. С другой стороны, и архив Разряда, по-видимому, пострадал во время страшного пожара в Кремле в мае 1626 г.; пожара, который современники еще долго называли московским большим пожаром.

Именно поэтому окончания истории, о которой пойдет речь ниже, мы, наверное, никогда не узнаем.

* * *

В августе 1622 г. к воронежским воеводам – стольнику Василию Алексеевичу Третьякову и Прокофию Семеновичу Воейкову – обратился с “изветом” житель села Усмань (ныне с. Новая Ус-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта 18-09-00313 А.

мань) атаман Федор Болдырь¹. По его словам, за два дня до того его земляк, тоже житель Усмани, крестьянин усманского атамана Ивана Воронина Лунка Ушаков² рассказал ему следующую историю: у Лунки был брат Григорий, который умер несколько дней тому назад, «а умираючи де, <...> тот Гришка сказывал ему, Лунке, что он умирает от порчи, а испортила де иво Лункина жена Фетиньца»³.

Воеводы приказали Федору Болдырю доставить в Воронеж обоих супругов – и Лунку, и Фетинью – что тот и сделал.

На допросе у воевод Ушаков обвинил жену в том, что она «брата иво, Гришку, испортила» и в качестве доказательства предъявил «корень», «чем портила Лункина брата Гришку». Кроме того, он показал, что после смерти брата «жену свою Фетиньцу пытал», и та призналась ему, «что того ево брата Гришку испортила она, Фетиньца, и тем корнем по наученью матери своей»⁴.

Допросили, естественно, и Фетинью. Та показала, что «тот де корень дала ей, Фетиньце, мать ее, Полагеица, а она де, Полагеица, тот корень взяла того же села Усмани у Гришкины жены Полстовалихи у Окулинки. А велела де та мать ее, Полагеица, дочере своей Фетиньце тот корень давать в питье деверю ее Гришке. А сказала ей, что с того де корени смерти не будет, а будет до тебя добр. И она де, Фетиньца, тот корень пить ему, Гришке, давала»⁵.

После таких показаний на допрос доставили мать Фетиньи Пелагею и устроили ей с дочерью очную ставку. В время этой процедуры мать и дочь дали взаимоисключающие показания: Фетинья держалась своей версии, а Пелагея заявила, «что она того корени дочери своей не давала и у Гришкины жены Полстовалова⁶ не имывала».

Тогда, в тот же день, Фетинью подвергли первый раз пытке⁷ и, судя по всему (поскольку показания подследственных противоречили друг другу), пытали и Пелагею, и Акулину – жену Григория Полстовалова⁸. Под пыткой мать по-прежнему отрицала какую-либо свою и «Гришкиной жены» связь с «корнем», а показания дочери против себя объяснила так: «Фетиньца себя и нас поклепала по наученью мужа своего Лунки, не истерпя побои от мужа своего»⁹. По-видимому, отрицала всё и Акулина.

Поскольку первая пытка не устранила противоречий в показаниях, в тот же день все три женщины были подвергнуты пытке во второй раз; причем Фетинью пытали в присутствии матери и Аку-

лины. И во время второй пытки все они стояли на своём: Фетинья «с пытки сказала то ж: что она тот корень взяла у матери своей, а мать де ее тот корень взяла у Гришкины жены у Окулинки <...> Полагеица и Окулинка <...> на себя и з другие пытки на себя ничего не говорили ж»¹⁰.

После второй пытки все три женщины были «даны беречь за пристава».

Что означала эта фраза для Воронежа 1622 года? Совершенно очевидно, что они не были посажены в тюрьму. В.Н. Глазьев установил, что в 1627 г. было принято решение вместо ремонта старой городской тюрьмы построить новую, что и было сделано в следующем, 1628 г.¹¹ Дозорная книга 1615 г. из казенных сооружений знает только «сарай», в котором хранились артиллерийские орудия – пищали, «казну» – склад боеприпасов, съезжую избу и две «житницы». Возникает впечатление, что в момент описания города в 1615 г. тюрьмы в нем еще не было. Когда же в Воронеже была сооружена первая тюрьма, которая в 1627 г. требовала капитального ремонта или сноса? Может быть, до 1615 г.¹², а к моменту проведения «дозора» успела так обветшать, что именно из-за невозможности использования по назначению и не попала в описание города? Иными словами, можно предполагать, что во время описываемых событий действующей тюрьмы в Воронеже не было. В этом случае становится понятным, почему три обвиняемых женщины в 1622 г. были не «вкинута» в тюрьму, а «даны за пристава».

Теоретически, находиться «за приставом» можно было и у себя дома, и такие случаи в следственной практике XVII в. известны. Но в данном деле такого явно не было: совершенно невероятной представляется доставка подследственных низкого социального статуса (крестьянских жен) назад из Воронежа в Усмань, тем более, с учетом незавершенного следствия. Скорее всего, при съезжей избе было какое-то специальное помещение для задержанных, которое при необходимости и поручали охранять пристава.

Это предположение отчасти подтверждается событиями следующего дня.

На другой день после описанных событий пристав – воронежский полковой казак Мурза Толмачов – «известил» в съезжей избе воеводам, что Фетинья готова изменить свои показания: «пытаная жонка Фетиньица <...> сказывала де мне, что она мать свою и Гришкину жену Полстовалова тем кореньем поклепала и с пыт-

ки на них говорила напрасно по наученью мужа своего Лунки, не истерпя побои от мужа своего”¹³. Вызванная на очередной допрос Фетинья подтвердила свои слова, сказанные приставу.

Тогда, в тот же день, мужу и жене была устроена очная ставка: «Фетинья с мужем своим Лункою ставлена с очей на очи, и на очной ставке про наученье спрашивана». На ней Фетинья подтвердила новую версию своих показаний; муж же отрицал «наученье» и объяснял изменение показаний жены тем, что она хочет ему отомстить за то, что он сообщил о преступлении: «она иво клеппет¹⁴, рняя¹⁵ тому, что он на нее сказал в порче брата своего». Свою версию он подтверждал еще и тем, что брат перед смертью рассказал о своем отравлении священнику: «умираючи де, тот брат иво Гришка сказывал отцу своему духовному, что он испорчен и умирает от той Фетиньицы; и та скаска ведомо отцу духовному»¹⁶.

Тут же был вызван тот самый священник – поп Игнатий, который подтвердил слова Лунки Ушакова и показал: «тот де Гришка лежал болен пять ден, а на шестой день ево не стало. А перед смертью де он, Гришка, тому отцу своему духовному Игнатью сказывал, что ему ж неверка на тое Лункину жену на Фетиньицу в порче».

Трудно сказать, знала ли Фетинья, что при смене показаний новая пытка неизбежна (хотя то, что на двух пытках она не меняла показаний, может косвенно свидетельствовать, что знала), или же желание отомстить мужу-доносчику было сильнее страха боли, но, как бы то ни было, ей пришлось оказаться под пыткой и в третий раз. И теперь она придерживалась новой версии: «И с пытки та Фетинья сказала то ж: что она мать свою, Полагеицу, и Гришкину жену Окулинку поклепала по наученью мужа своего и не истерпя побои. А принес де тот корень ко мне муж мой и велел мать свою клепать, и яз де по наученью мужа своего мать свою клепала, а яз де тот корень у матери своей не имывала»¹⁷.

Судя по всему, суть версии Фетиньи сводилась к следующему: деверь Григорий умер своей смертью, мать и Акулина Полстовадова к делу не имеют вообще никакого отношения, муж Лунка воспользовался смертью брата, чтобы подвести под наказание ее самое, ее мать и Акулину, для чего принес «корень» и побоями заставил ее признать причастность свою и двух других женщин к смерти брата. По этой версии по умолчанию выходило также, что никакого «корня» Фетинья деверю не давала, и, следовательно, ни о какой «порче» речи идти не могло.

Таким образом, после третьей пытки Фетиньи следствие по-прежнему располагало двумя противоречащими друг другу версиями виновности: с одной стороны – измененная версия жены, с другой – версия мужа, по которой вина лежала на жене, а ее мать и Акулина Полстовалова были ее сообщницами.

По-видимому, на этой стадии следствия воронежские воеводы поняли, что самостоятельно дальше действовать не могут и запросили инструкций из Москвы.

Следствие проходило в воронежской съезжей избе 12 и 13 августа 1622 г. Речь об этом идет в отписке воронежских воевод и в расспросных и пыточных речах подследственных женщин, отосланных в Москву в Разряд вместе с воеводской отпиской. («Речи», судя по всему, представляют собой сокращенный пересказ, причем с пропусками, того протокола, которой вели в воронежской съезжей избе). Кроме того, позже на основании этих документов в Москве, согласно правилам приказного делопроизводства, был составлен обобщающий документ – докладная выпись, повторяющая все основные факты дела.

Судя по тексту воеводской отписки, она была отослана далеко не сразу; по крайней мере, не раньше чем через неделю. Об этом позволяет судить тот факт, что в отписке говорится о смерти матери главной обвиняемой спустя неделю после пытки: «и она, государь, после пытки с неделю лежала и умерла»¹⁸. Надо полагать, что Пелагея, мать замужней дочери, была явно немолода, и две пытки оказались для нее фатальными.

Что происходило с остальными фигурантами дела всю эту неделю, а также и в последующие месяцы – неизвестно. Возможно (и скорее всего), между Воронежем и Москвой шла переписка, которая не сохранилась до наших дней (хотя надежда на случайную находку хотя бы части этих бумаг – отписок воевод и памятей и указов из столицы – среди многих и многих сотен огромных по объему столбцов Разряда все-таки есть).

Следующая дата, связанная с этим делом – 10 февраля 1623 г. Именно в этот день, спустя ровно полгода после описанных событий, в Разряде была составлена уже упоминавшаяся докладная выпись¹⁹. На ее основании было принято решение – провести ещё одну очную ставку мужа и жены, а затем подвергнуть пытке теперь и Лунку Ушакова. При этом следовало выяснить, где он взял «корень» и почему заставлял жену оговаривать мать и Акулину Полстовалову.

Если же во время пытки Лунка себя не оговорит и не признается («с пытки говорити на себя ничего не учнет»), то следовало в четвертый раз пытать Фетинью, причем «накрепко». Выяснить же у нее нужно было две вещи: от кого она получила «корень» и кто надоумил ее дать его деверю. Если же она вновь изменит показания и назовет таких людей, то их следовало допрашивать «накрепко», а при необходимости и пытать, «чтоб однолично про тое коренья сыскати допрема»²⁰.

Все эти распоряжения были направлены воронежским воеводам.

Грамота с распоряжениями о новых пытках – это последний документ в деле. На этом история об отравлении в Усмани в 1622 г. заканчивается для нас, но отнюдь не для ее участников – их ожидали новые допросы и пытки.

Подводя итог всей этой истории, стоит отметить два любопытных момента.

Во-первых, в позиции воронежских властей (и, скорее всего, русских властей той эпохи вообще) явно наблюдается то, что в наши дни назвали бы мужским шовинизмом. Налицо явная предвзятость в отношении женской части фигурантов следствия. Обвинения (пусть и в очень серьезном преступлении) со стороны мужчины оказалось вполне достаточно, чтобы женщин подвергли пытке, да еще и не один раз. В то же время, Лунка Ушаков, вопреки нормальной логике (разумеется, применительно к инквизиционному методу следствия), полгода ходил в обличителях, и без распоряжения из Москвы воеводы, по-видимому, не собирались его пытать. Хотя, как известно, поговорка «доносчику – первый кнут» возникла именно из практики следствия той эпохи, и, надо думать, если бы подозреваемыми были мужчины, воронежские воеводы и без подсказки из столицы, действовали бы по поговорке.

Во-вторых, неясно, почему Лунка Ушаков не обратился к властям напрямую, а предпочел рассказать историю об отравлении Федору Болдырю. Рассчитывал ли он (или, может быть, даже попросил об этом), что тот доведет его обвинение до воевод или же просто рассказал ему о преступлении в своей семье, а уж Болдырь сам решил сообщить об отравлении воеводам? Если верно первое предположение, то, может быть, решающую роль сыграл статус Болдыря – атаман по чину и усманский помещик по имущественному положению (в то время как Лунка был крестьянином), а у

властей доверия к служилому человеку должно быть больше, нежели к простому мужику?

В-третьих, непонятно, почему Ушаков обратился именно Федору Болдырю, а не, скажем, к своему помещику – такому же усманскому атаману?

Возникает подозрение, что между теми перечисленными в документах участниками дела, которые не состояли друг с другом в родстве или свойстве, существовали какие-то связи, приятельские и неприязненные (как минимум) отношения, которые, возможно, меняли, со временем, свой «знак». Узнать о них, приоткрыть крохотный фрагмент почти всегда скрытой от нас повседневности эпохи, было бы чрезвычайно интересно, но в деле усманских отравительниц это вряд ли когда-нибудь удастся.

¹ «Фетка Болдырь» числится среди атаманов села Собакино (другое название Усмани) в Дозорной книге 1615 г., и, скорее всего, он же – атаман того же села Федор Омельянов сын Болдырев переписной книги 1629 г. Что касается упомянутого чуть ниже Ивана Воронина, то, учитывая нередкие ошибки воронежских публикаторов XIX в., путавших весьма похожие скорописные «в» и «д», скорее всего, в Дозорной книге он значится в селе Собакино как атаман Иван Доронин, а в переписной книге – как Иван Борисов сын Доронин. (Список с воронежских книг письма и дозору Григорья Киреевскаго с товарищи лета 7123 году // Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронеж, 1891. Т. 2. Воронежские писцовые книги. С. 30, 31; Перечень имен помещиков, а также сел и деревень Воронежского уезда за 1629 г. // Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронеж, 1891. Т. 2. С. 253).

² Скорее всего, полное имя Ушакова – Лука; однако, поскольку он был крестьянином, ни один из документов полным именем его не называет. Что касается «Ушакова», то это могла быть как фамилия, так и отчество (от некрестильного имени отца – сын Ушака, т. е. Ушаков сын).

³ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 15. Л. 394.

⁴ Там же. Л. 395, 396.

⁵ Там же. Л. 397.

⁶ Социальный статус Григория Полстовалова неизвестен; ни в Дозорной книге 1615 г., ни в переписной книге 1629 г. служилых людей с такой фамилией в Усмани нет (в 1615 г. двое Полстоваловых были беломестными казаками, жившими в Воронеже); поэтому, скорее всего, Григорий и Акулина, также как и Лунка с Фетиньей, были крестьянами.

⁷ В документе не говорится, какая именно пытка применялась; скорее всего, самая обычная и простая для той эпохи – битье кнутом.

⁸ В документе явная неисправность: после фразы о приведении Фетиньи к пытке, идет пересказ пыточных речей Пелагеи, хотя о приведении её к пытке не сказано. О первой пытке Акулины мы узнаём позже из фразы о второй ее пытке, а о ее «распросе» воводами вообще не упоминается.

⁹ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 15. Л. 398.

¹⁰ Там же.

¹¹ Глазьев В.Н. Власть и общество на юге России в XVII в.: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001. С. 276–278.

¹² Маловероятным представляется вариант, при котором в августе 1622 г. тюрьмы еще не было, она была построена позже, но, максимум, через пять лет, в 1627 г., уже не подлежала даже ремонту, и пришлось возводить совершенно новое сооружение.

¹³ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 15. Л. 399. Извет пристава на другой день – явное свидетельство, что арестованные находились в Воронеже.

¹⁴ Клевещет.

¹⁵ Злобствуя, досадуя.

¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 15. Л. 400.

¹⁷ Там же. Л. 401.

¹⁸ Там же. Л. 394.

¹⁹ Там же. Л. 402.

²⁰ Там же. Л. 411.